

УДК 316
ББК 66.0
К21

Кара-Мурза, Сергей Георгиевич.

К21 Новое средневековье XXI века, или Погружение в невежество / Сергей Кара-Мурза. — Москва : Родина, 2021. — 512 с.

ISBN 978-5-00180-291-4

О «новом средневековье» писал еще Николай Бердяев в двадцатые годы прошлого века, но в начале двадцать первого века это определение стало особенно актуальным. Его используют сейчас многие политологи, социологи, философы для обозначения современной эпохи.

Сергей Георгиевич Кара-Мурза, выдающийся российский ученый, социолог и политолог, впервые провел полный и всесторонний анализ «нового средневековья» в своем фундаментальном исследовании, материалы для которого он собирал в течение тридцати лет. Здесь разбираются причины этого исторического явления, его характерные черты в политике, обществе, культуре, говорится о носителях и противниках новой средневековой идеологии. В книге приводится огромное количество фактического материала, основанного на сотнях различных источников.

УДК 316
ББК 66.0

ISBN 978-5-00180-291-4

© Кара-Мурза С.Г., 2021
© ООО «Издательство Родина», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Кластеры невежества	15
Грубые категории типов невежества	108
«Локальные» структуры	121
Проблемы нашего близкого прошлого	130
Наша проблема — особое невежество, замороженное во время 1960–1990-х гг.	145
Защита от невежества	176
Экология	218
Сюжеты авторов, которые авторитетно убеждали граждан	235
Идея разрушения СССР	311
Короткие фрагменты из текстов профессиональных гуманитарных работников	342
Дизайн-Запад	379
Заключение	444
Примечания	462
Библиография	483

Благодарю товарищей и коллег, читателей и работников издательства. Особо хочу поблагодарить моего друга Ивана Тугаринова — он сорок лет точно видит тему и приносит целый массив ценных источников.

Мои товарищи Денис Денисов и Александр Гражданкин помогли мне, указывая на мои непонятные суждения, — и мы думали. Да и они исправляли мои ошибки, орфографию и грамматику — спасибо. Эту трудную книгу без дружеской помощи я бы не написал.

Благодарю мою дочь Дарью Кара-Мурзу — она была мне экспертом для этой книги, предоставила мне свою библиотеку (и, думаю, про себя критиковала меня — это полезно).

И еще я благодарю критиков, они часто ругают меня (про себя), для моих текстов это полезно.

Мы не знаем общества, в котором живем.

Ю.В. Андронов (1983 г.)¹

Но не прискорбно ли видеть, что иностранец, почти враг, имеет о нас, — о том, что мы есть и чем можем быть, — такое точное понятие и такой ясный на нас взгляд, чего мы совершенно лишены... Скажу больше: в ненависти заключается не только больше понимания, но и больше симпатии...

Одна из наиболее прискорбных наклонностей, замечаемых у нас, — это наклонность подходить ко всем вопросам с их самой мелочной и гнусной стороны, потребность проникать в хоромы через задний двор. Это в тысячу раз хуже невежества. Ибо в простой здоровой натуре невежество простодушно и забавно, тогда как эта наклонность изобличает и всегда будет изобличать одну лишь злость.

Ф.И. Тютчев — П.А. Вяземскому (1844 г.)

ВВЕДЕНИЕ

С середины XX века стали появляться признаки быстрой деградации защитных систем против *невежества*. Это объяснялось нарастанием кризиса *индустриализма* как общего фундамента цивилизаций независимо от формации (особенно в капитализме), изменениями картины мира (глобализация, постмодернизм в политике и экономике, культуре и войне и т.д.). В общем, изменяется картина мира, наступает туманный *постмодернизм*. На нас явление невежества понемногу надвигалось и в наших собственных формах и условиях. Они маскировали угрозы, которые порождали и развивали мировоззренческий кризис советского общества.

Начнем с общего и абстрактного образа явления *невежества*. С момента своего появления человек разумный совещается с другими людьми в своей семье и в роду. Человек — существо деятельное, он непрерывно действует в природе, строит новый мир, обдумывает новые формы и явления, изобретает инструменты и навыки. Все это он обрабатывает посредством языка, разума и воображения — с группой близких ему людей. В этом процессе в группе появляются оппоненты. Они иногда говорят: ты все это обдумал, а сделал неправильно! Возникает конфликт, и его развитие может пойти по разным векторам. Кого-то, скорее всего, назовут *невежда*. Так феномен *невежество* возникает только в обществе и в процессе непрерывного взаимодействия.

Чаще всего вердикт «невежда» получает человек или группа от других людей, которые раньше уже использовали проверенный способ (мысленно или на практике) и имеют какой-то «сертификат» от начальства или особого авторитета. В этих условиях изобретатели обычно ищут структуры своих инноваций тайком. Они воображают и соединяют элементы и эликсиры в пространстве счастья — «неявного знания» и созидания. Изобретатели при этом часто проявляют невежество и допускают много ошибок — это их сырье, и другие мастера копаются в нем и часто преобразуют его в ценный артефакт. Это от нашей темы отклонение, но надо учесть.

В этой книге не представлены ни *политики*, ни *манипуляции*, ни *инновации* — эта книга о людях, которые не знают и не понимают образы, картины, их смыслы и возможные последствия. Эти люди ошибаются, тратят силы, ресурсы и надежды, — это *состояния невежества*. Но всегда бывает несколько людей, которые постепенно понимают образы и смыслы — и помогают другим. Эти процессы действуют непрерывно, везде появляются разные «огоньки», и часто они исчезают.

Книга о невежестве, конечно, не представляет *всей картины синтеза* — невежества или успешного познания. Нам нужны «огоньки» и их структуры. Мы выбираем из синтеза понятные образы или слова и рассматриваем кусочек из этого «сгустка». Сейчас мы часто смотрим статьи и книги по-другому: раньше люди видели конфликты, распри, проклятия — но сейчас надо понять человека, который *пошел в невежество*, и *почему* это происходит. Мы будем еще обдумывать — *как мы не увидели*, что картина мира у нас *изменилась*, а инерция довела нас до распада, до катастрофы.

Процессы невежества развиваются в пространстве общества людей. Но эти процессы существуют во *времени*. Чтобы увидеть и понять эти процессы, надо представить их динамику («вчера было рано, послезавтра поздно»). Часто процесс кажется стабильным, но в реальности к данному процессу присоединяются или отходят от него разные процессы, с разными целями, разными силами и динамикой.

* * *

Представим короткую картину Российской революции. В 1880-е годы экономисты-народники развили концепцию *некапиталистического* («неподражательного») пути развития хозяйства России, но марксисты их «разгромили». Общинное крестьянство было исключено капиталистическими экономистами из политэкономии, но значение этой стороны (общинного крестьянства) было так велико, что без нее политэкономия превращалась в идеологию. Революция 1905 г. свершилась, а капиталистического хозяйства как господствующего уклада не сложилось ни в одном из ее течений. Тезис о том, что *революция была буржуазной*, не подтвердился практикой. Модернизация Столыпина была разрушительной и вела к бедноте

большой части крестьянства. Община превратилась в *организатора сопротивления и борьбы*.

После 1908 г. Ленин уже по-иному представляет смысл спора марксистов с народниками. Произошел серьезный разрыв с западным марксизмом, сдвиг в сторону *неявной политэкономии*, первой фазы образования *Советов*. Почему Ленин стал спорить с умудренными марксистами и открыто отошел от буржуазной революции? Ведь с этого момента его главные фундаментальные установки шли вразрез с «всеобщими законами» исторического материализма. Ленин увидел и понял новую картину мира². Приходя шаг за шагом к пониманию сути крестьянской России, создавая «русский большевизм» и принимая противоречащие марксизму стратегические решения, Ленин сумел выполнить свою политическую задачу. Большевики сумели убедить товарищей, обращаясь к здравому смыслу, а остальные откалывались — Плеханов, меньшевики, Бунд, троцкисты...

Вебер, изучая и сравнивая процессы развития в обществах, определял изменения форм и структур как *зародыши* появления новых общественных институтов. Он ввел в социологию важное понятие: *общество в состоянии становления*³.

В начале XX в., во время кризиса классической физики и изменения научной картины мира, возникла новая парадигма — «*постклассическая*». В науке стали различать два взгляда на природу: *науку бытия* — видение мира как совокупности стабильных процессов, и *науку становления*, когда преобладают нестабильность, переходы *порядок—хаос*, перестройка систем, кризис старого и зарождение нового. Парадигму науки становления часто называют *нелинейной*. Сразу заметим: марксизм, в общем, исходил из принципов «*науки бытия*» (исторический процесс как этапы состояния равновесия), а Ленин освоил и ввел в партийную мысль принципы «*науки становления*» (исторические изменения как неравновесные кризисные состояния).

Из модели мира Ньютона как машины с ее «сдержками и противовесами» выводились новые концепции свобод, прав, разделения властей. «Переводом» этой модели на язык государства и экономики были, например, политэкономии А. Смита и Маркса. Механицизм — представление любой реальности как машины — обладал большой силой внушения⁴.

Процесс *размежевания групп* довел до революции 1905 г. — меньшевики (эсеры и др.) «стремились удержать ее в том же состоянии их парадигм» (истмат — *наука бытия*), а большевики «стремились к изменению структуры системы» (*наука становления*).

В те времена (начало XX в.) было очевидно: и меньшевики-марксисты, и легальные марксисты, и кадеты, и эсеры, и западные социал-демократы мыслили и проектировали кардинально иначе, чем Ленин и его соратники. Они по-разному понимали пространство и время, следовали разным способам и нормам мышления и объяснения, — при разрешении внешне одной и той же проблемы они при-

нимали *разные решения*. Поэтому проект Октябрьской революции был *совершенно иным*, чем у Февральской революции.

Так *исток* Российской революции распался. Сразу после Апрельских тезисов лидер эсеров Чернов назвал их воплощением «фантазий народников-максималистов». Г.В. Плеханов сказал: «Россия страдает не только от того, что в ней есть капитализм, но также от того, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из русских людей, называющих себя марксистами».

Кадеты и меньшевики (скрепя сердце) приветствовали Февральскую революцию как сверхпартийную. 3 июня 1917 г. на совещании П.Н. Милюков сказал: «Она есть революция национальная, революция всенародная, т.е. она объединяет в себе все классы и все общественные группы и ставит перед собой задачи, которые должен осуществить весь народ, которые только весь народ и может осуществить». Он даже сказал — это «наша» революция.

Этот образ революции люди поняли как приближающуюся катастрофу — синтез взрывной смеси. А «февральские» власти, не поняв побочных процессов, сами *пошли в невежество*. Так, власти не успели понять картину мира России и что новые поколения крестьян потребовали *социальное равенство*, — а им устроили столыпинскую реформу⁵. Это было *невежество государства*. В ответ 21 апреля 1917 г. в Петрограде прошла демонстрация против этой политики правительства, и она была обстреляна — впервые после Февраля. Так писали: «дух гражданской войны повеял над городом».

Уникальность Февральской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться прототипы *двух моделей государственности* — буржуазная республика и советская власть одновременно, поначалу даже без взаимного насилия. Временное правительство и Советы находились на двух разных и *расходящихся* ветвях цивилизации. То есть их соединение было невозможным. Напор страстей в дни Февральской революции был краткосрочным (4 месяца), и эти страсти были праздничными. Пришвин записал в дневнике (5 июля 1917 г.), что либеральная революция потерпела крах, Россия пошла по какому-то совершенно иному пути: «Елецкий погром — это отдаленный раскат грома из Азии, и уже этого удара было довольно, чтобы все новые организации разлетелись, как битые стекла. Эта свистопляска с побоями — похороны революции».

Подавить *либеральную революцию* могли только «силы, развившиеся внутри самой революции» — синтез Советов с большевиками. И эта сила была именно «направлена к созданию новой жизни и против всякой реакции» (см. [662]). В результате большевики въехали в состояние *in statu nascendi* на спине либеральной революции, используя ее энергию.

Решающую роль в Гражданской войне сыграло поколение тех, кому в 1905 г. было от 15 до 25 лет, а в 1918 г. исполнилось от 28 до 38 лет. Т. Шанин пишет: «К этому времени многие уже успели отслу-

жить в армии, стали главами дворов, т.е. вошли в ядро общинного схода. Основными уроками, которые они вынесли из опыта революции 1905–1907 гг., была враждебность царизма к их основным требованиям, жестокость армии и “власти”, а также их собственная отчужденность от “своих” помещиков и городских средних классов» [411, с. 301].

Таким образом, рассматривая обе революции как два «политических бунта», надо сравнить их *структуры*. Грубый анализ дает представление о стержнях проектов и образах системы. Мы уже упоминали, что главные тексты того времени показывают *общество, разделенное на группы* — одни стремятся к изменению структуры системы, а другие пытаются удержать ее в том же состоянии. Так было с Февральской революцией — ее группы шли по старому вектору, и они *погружались в невежество*. А группы со стороны Октябрьской революции (крестьяне, рабочие, солдаты и интеллигенты) пошли по дорогам *становления*. Они *неявно* увидели и поняли необратимости, неравновесия и нелинейные процессы. Благодаря этим переходам «*порядок—хаос*» наши люди сразу в ином свете представили системы противоречий.

Подумайте, даже А. Деникин писал, что ни одно из антибольшевистских правительств «не сумело создать гибкий и сильный аппарат, могущий стремительно и быстро наступать, принуждать, действовать. Большевики бесконечно опережали нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской Табелью о рангах не поспевали за ними...» [424].

Теперь посмотрим движение групп в *разделенном обществе*.

Лидер «молодых» представителей либерально-буржуазного общества П.П. Рябушинский на совещании русской эмиграции в 1920 г. так объяснил причины их поражения: «Многие из нас давно предчувствовали катастрофу, которая теперь потрясает всю Европу, мы понимали роковую неизбежность внутреннего потрясения в России, но мы ошиблись в оценке размаха событий и их глубины, и вместе с нами ошибся весь мир. Русская буржуазия, численно слабая, не в состоянии была выступить той регулирующей силой, которая помешала бы событиям идти по неверному пути... Вся обстановка прошлого не способствовала нашему объединению, и в наступивший роковой момент стихийная волна жизни перекатилась через всех нас, смяла, размела и разбила» [619].

П.П. Рябушинский очень долго жил в *невежестве*, а тогда он увидел картину мира России и прозрел.

Но в начале распада Февральской революции многие быстро поняли, что России нужна новая система. Прочитайте то воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», с которым обратилась большая группа бывших генералов русской армии во главе с А.А. Брусиловым (бывший верховный главнокомандующий): «В

этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать».

Вот судьба министров Февральской революции — все они были вскоре после ареста освобождены. Из пятнадцати министров восемь эмигрировали, семь остались в России. Из них в результате репрессий погиб в 1938 г. один — министр земледелия С.Л. Маслов. До этого он был видным деятелем Центросоюза и преподавал в МГУ⁶. Военный министр генерал А.А. Маниковский во время Гражданской войны был начальником снабжения Красной армии. Морской министр Д.Р. Вердеревский уехал во Францию, а в 1945 г. явился в посольство СССР и принял советское гражданство. Министр путей сообщения А.В. Ливеровский стал в СССР видным специалистом по транспорту, строил «Дорогу жизни» к блокадному Ленинграду. Один из министров, С.Н. Третьяков, эмигрировал во Францию, стал виднейшим агентом советской контрразведки (с 1929 г.) и в 1943 г. был казнен немцами [202, с. 262–264]⁷.

Итак, мы увидели важные структуры двух революций и направление их движений. Фундаментальное столкновение двух революций изменило всех людей, их сознание и апокалиптику (образы будущего), повлекло за собой Гражданскую войну и катастрофу братоубийства, распад Российской империи и сборку СССР, интервенцию Запада, голод и эпидемии. На этом «двигателе» работал СССР *до 1960-х годов* и еще *тридцать лет* — по инерции, постепенно слабей. Картина нашего мира изменилась, и в таком состоянии *все мы* по-прежнему *вошли в невежество*.

Трудно сказать, как мы могли так легко смотреть на разрушительные процессы в нашем обществе и не поверили друзьям, которые сошли с наших дорог и ушли. А мы делали свою работу и думали, что все хорошо. Но в 1955 г. в ходе реформ (хрущевская «оттепель») уже новые поколения молодежи и интеллигенции постепенно сдвигались к другим путям. Шестидесятники были «дрожжами» и в период мировоззренческого кризиса советского общества (1960–1990) снабжали дезориентированных этим кризисом людей идеями, языком, песнями и анекдотами. В этой книге мы и рассматриваем близкие проблемы — порожденные *невежеством нашего общества*. Эти сферы очень динамичны, с разными образами и проектами, с разными конфликтами и манипуляциями и т.д.

Иногда некоторые группы и массы выходят из трясины. Но все мы видели, что нас постепенно затягивает *грозное* невежество.

Бывает, общество, отторгая анализ происходящего сдвига к хаосу, шаг за шагом утрачивает способность *знать само себя*. Знание и картина мира — это системы, которые поддаются коррозии, а под давлением разрушительных факторов могут деформироваться или распадаться. Сейчас мы не можем воздействовать на людей с их знанием об этом мире. И философы, поэты и прорицатели не знают и не могут.

Компактное описание процесса *невежества* быстро не сделать. Предложенное определение *знаний* хотя и держится на ядре *рационального познания*, но связанные с этим ядром оболочки являются весьма подвижными сущностями духовной сферы человека. Изымая из реальности какое-то явление и обрабатывая его инструментами рациональности (языком, мерой, логикой и т.д.), получаем образ этого явления, который оживляет воображение и память, рефлекссию и предчувствие, эмоции и совесть, интуицию и озарение. Невежество деформирует или даже разрушает все эти инструменты, даже если рациональное ядро сохранилось. Все это мы с ужасом наблюдали в последние тридцать лет, хотя признаки бури мы должны были заметить раньше.

В 1970–1980-х гг. стало больше людей с необычным мессианским представлением об их роли как разрушителей «империи зла», и появилась часть интеллигенции, мировосприятие которой сопровождалось «взрывом коммунистической экзальтации»⁸.

Представьте, А.Д. Сахаров — великий ученый, признанный лидер нашей интеллигенции, трижды Герой Социалистического Труда — сошел в другую колею. Он в «холодной войне» встал на сторону Запада против СССР — категорически и открыто. А.Д. Сахаров, когда вернулся в Москву, пригласил меня с коллегой — поговорить. Он очень долго говорил, представляя небывалую для нас картину мира. Мы были в зазеркалье! Это были действительно «мессианские образы». В результате многие люди прошли через трагедии.

Наш народ на ощупь ищет пути из невежества. И всем нам надо понять, что произошло с интеллигенцией и элитой в ходе мировоззренческого кризиса общества и государства в 1980-х гг. Посвятив себя «втягиванию страны в зону абсолютного господства *золотого тельца*», элитарная часть интеллигенции совершила радикальный разрыв с общностью, что привело к ее дезинтеграции — «трудовая интеллигенция» пока что в новую общность собраться не может. Такова реальность, но ее сдвинули не только элита и номенклатура — дезинтеграция прошла почти по всем общностям. Это главное, но это мы оставляем за скобками. Мы постараемся разобрать процесс *разрушительного невежества* как болезнь сознания и мышления с ее последствиями, побочными эффектами и осложнениями.

Эта туча, многослойная и турбулентная, зацепила всех, сильнее или слабее, в одной точке или другой. Пусковым механизмом этого цепного процесса стала «культурная травма». Она — явление очень инерционное, которое может сохраняться и в следующем поколении

и дает о себе знать, даже если положение внешне стабилизировалось. *Чтобы понять современную картину, надо найти корни.* Для этого полезно пройти по пути инерции к тому месту и тому времени, где зарождалось действие. Если развилась идея или проект и если создавалась структура, уже трудно вести диалог среди товарищей.

* * *

Здесь надо объяснить, что эта книга — не инструмент для партийной борьбы, и написана она не для того, чтобы критиковать конкретных оппонентов или добиваться победы в споре. В этом надо было участвовать во время перестройки, а еще более радикально в 90-х годах. А сейчас уже изменилась картина мира, прошли три поколения молодежи, далеко разошлись наши братья-народы СССР. Мы утратили *советскую харизму*.

Теперь мы должны увидеть *реальные* картины, а для этого создать *широкие синтезы*. Нам долго говорили, что мы смотрим ступки и «огоньки», и этого достаточно. А сейчас этого мало! Все системы закрываются многими *контекстами* (это «соединение, связь, сплетение, сцепление»). А значит, надо изучать эти контексты и увидеть *ядро* системы.

Но у нас за 30 лет накопилось много материала — и нашего, и зарубежного. Эта база дала нам понять то, что мы раньше не видели, — важные закрытые образы. И старые картины, и новые *соединяют*.

Дайджесты — это большое подспорье.

КЛАСТЕРЫ НЕВЕЖЕСТВА

Евразия—Россия—СССР—...

В социологии есть формула: «Основополагающее свойство объединения — это солидарность». Это соединение и создает то целое, которое «больше суммы частей». Очень часто вклады участников не-соизмеримы между собой, они так различны, что выразить их в единообразной форме трудно или невозможно.

Н.С. Трубецкой писал в 1927 г.: «Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть гражданской только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом.

Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразией, ее национализм — евразийством... В применении к Евразии это значит, что национализм каждого отдельного народа Евразии (современного СССР) должен комбинироваться с национализмом общевеэвразийским, т.е. евразийством... Только пробуждение самосознания единства многонародной евразийской нации способно дать России-Евразии тот этнический субстрат государственности, без которого она рано или поздно начнет распадаться на части, к величайшему несчастью и страданию всех ее частей» [702].

Россия не имела того огромного буферного механизма, при помощи которого Запад мог гасить возникающие неравновесия — колонии на первом этапе индустриальной цивилизации и «третий мир» сейчас. Будучи традиционным обществом, Россия и не могла относиться к вошедшим в нее народам как метрополия к колониям. Россия «наращивалась» на *полиэтническую матрицу*, возникшую с самого начала при соединении в Русь славянских, угро-финских и тюркских племен. В основе этой матрицы лежала идея *общей исторической судьбы* и метафора *семьи народов*. Поэтому Россия субсидировала окраины и была лишена важнейшего для Запада маневра путем *изъятия ресурсов из колоний* и «экспорта кризиса» в колонии⁹.

Главное, что в рамках *евроцентризма* лишь эта (постулированная истматом) смена формаций признается *правильной*. Но раз славяне и монголы не знали *рабства*, а в Китае не было *крепостного права* и государственной *религии*, Евразия была как кость в горле для Запада. Вот, например, Энгельс пишет в 1849 г.: «Европейская война, *народная война*, стучится в дверь... О *немецких* интересах, о *немецкой* свободе, *немецком* единстве, *немецком* благосостоянии не может быть и речи, когда вопрос стоит о свободе или угнетении, о

счастье или несчастье всей *Европы*. Здесь кончаются все национальные вопросы, здесь существует только один вопрос! Хотите ли вы быть *свободными* или хотите быть *под пятой России?*» [701].

Системы Евразии мы мало изучали научно, но неявное знание имели, а теперь мы дошли и до науки. Так, Леви-Стросс говорил, что много дали Западу потомки наших сибирских народов, предшественников якутов. Это редкий случай — непрерываемого технологического развития в истории (вплоть до вторжения европейцев). Он писал: «За этот период [15–20 тыс. лет со времени перехода через Берингов пролив в Америку] эти люди продемонстрировали один из самых нелепых случаев кумулятивной истории в мире: исследовав от северной до южной конечности ресурсы новой природной среды, одомашнив и окультутив целый ряд самых разнообразных видов животных и растений для своего питания, лекарств и ядов и даже — факт, который не наблюдался нигде больше, — превращая ядовитые вещества, как маниока, в основной продукт питания, а другие — в стимуляторы или средства анестезии; систематизируя яды и снотворные соединения в зависимости от видов животных, на которых они оказывают селективное действие, и, наконец, доведя некоторые технологии, как ткачество, керамика и обработка драгоценных металлов, до уровня совершенства.

Чтобы оценить этот колоссальный труд, достаточно определить вклад Америки в цивилизации Старого Света. Во-первых, картофель, каучук, табак и кокаин (основа современной анестезии), которые, хотя и в разных смыслах, составляют четыре опоры западной цивилизации; кукуруза и арахис, которые революционизировали африканскую экономику даже до того, как были широко включены в систему питания Европы; какао, ваниль, помидоры, ананас, красный перец, разные виды бобовых, овощей и хлопка.

Наконец, понятие нуля, основа арифметики и, косвенно, современной математики было известно и использовалось у майя как минимум за пятьсот лет до его открытия индийскими мудрецами, от которых Европа научилась ему через арабов. Поэтому, видимо, календарь той эпохи у майя был точнее, чем в Старом Свете. Чтобы определить, был ли политический режим инков социалистическим или тоталитарным, было исписано море чернил. В любом случае, этот режим выражался через самые современные формулы и на несколько веков опередил европейские феномены того же типа» [14, с. 317–318].

А с другой стороны, показал А.Дж. Тойнби: «Кочевники не смогли бы одержать победу над степью, выжить в столь суровом естественном окружении, если бы не развили в себе интуицию, самообладание, физическую и нравственную выносливость... Собака, верблюд и лошадь, функции которых куда более сложны, требуют не только приручения, но и обучения. Нужно сделать из них помощников человека. Это замечательное достижение номадизма помогло кочев-

никам не только выжить в степи, но и приспособиться некоторым из них к роли “пастырей” человека» [349, с. 184–185].

Можно сказать, что судьба России была счастливой: сочетание природных, культурных и психологических качеств населявших ее народов позволили возникнуть симбиозу укладов (охоты, земледелия и кочевого скотоводства) с интенсивным обменом продуктами, технологиями и культурными достижениями. Сегодня не просто стоит вопрос о разрушении этой системы — делается все возможное для натравливания одной части на другую.

Собирание исторической России было уникальным: каждая новая часть включалась в целое, не теряя своей особенности и самобытности. Каждый народ, входя в Россию, придавал этому целому какое-то свое качество. Система была сложная, но разнообразие — великая ценность и порождает свойства, незаменимые в трудные моменты. Так была освоена Евразия, а Россия стала большой цивилизацией.

Но в XIX в. быстро развивалась индустриализация, она стирала этнические различия, устраняла воздействие национальных хозяйственных укладов. Родились бурные идеологии, они служили инструментом не только для *консолидации общества*, но и для *размежевания групп*, разделенных противоречиями. Расколы заставляют вести гражданские и международные войны. Исследователь революций Ч. Джонсон писал: «Располагая достаточным количеством времени, ... идеология заставляет разбалансированное общество разделиться на группы — с одной стороны, союзников, стремящихся к изменению структуры системы, с другой — тех, кто стремится удерживать ее в том же состоянии» (см. [661]).

Россия-Евразия прошла XIX век в бурях, а далее — *революции*. И они получили важнейшее испытание XX века, когда наш народ и территория были поставлены перед выбором: Февральская революция или Октябрьская^{10?} Они имели разные *проекты* и два разных *цивилизационных пути*. Но и внутри проектов происходят *размежевания групп*.

Февральская революция разгромила Российскую империю, армию, Евразию — и попросила устроить иностранную интервенцию и Гражданскую войну. Произошел *распад народов и классов*. На территории бывшей Российской империи шли гражданские войны и находились вооруженные силы 14 государств. Э. Карр пишет: «Повсюду на территории нерусских окраин проблема самоопределения безнадежно переплеталась с проблемами гражданской войны. ... Выбор делался не между зависимостью и независимостью, а между зависимостью от Москвы и зависимостью от буржуазных правительств капиталистического мира... В то время Ленин был так же не готов, как и любой другой большевик (или антибольшевик), рассматривать национальное самоопределение как абстрактный принцип или оценивать его вне контекста гражданской войны» [706].

М.М. Пришвин писал в дневнике 16 июля 1917 г.: «Черты лица революции никто не видел, потому что никто не может забежать ей вперед. Те, кто мчится вместе с нею, ничего не могут сказать о ней. А те, мимо кого она проносится, тоже не видят, пыль, мусор и всякий поднятый хлам заслоняют от него свет. И революция, конечно, существо получеловеческое, полужверинное. Те, кто не мчится вместе с ней, видят только огромный, оставляющий после себя нечистоты зад зверя».

Это неправда. Даже те, кто не мчался вместе с революцией, в большинстве своем видели не только нечистоты, оставляемые этим зверем. Ту запись Пришвин сделал в приступе пессимизма, видя, как иссякает импульс его любимой либеральной Февральской революции. Но в тяжелый момент после Октября, 14 декабря 1918 г. он написал так: «Анализировать каждую отдельную личность, и дела настоящего времени получаются дрянь, а в то же время чувствуешь, что под всем этим шевелится совесть народа».

Надо увидеть всю картину революции, как врач.

Вот революционная интеллигенция, воспитанная в партии социалистов-революционеров. Ю. Давыдов в предисловии к книге Б. Савинкова «Воспоминания террориста» пишет: «Он блокировался с направлениями любого оттенка, лишь бы антибольшевистское. Даже и с монархистами, полагая, что наши бурбоны чему-то научились. Савинков готов был признать любую диктатуру (включая, разумеется, собственную), кроме большевистской... Он бросался за помощью к англичанам, французам, белочехам и белополякам. Он командовал отрядами карателей, бандами подонков, наймитами, шпионами. Пути-дорожки “савинковцев” чадили пожарищами, дергались в судорогах казненных» [688, с. 15].

Б. Савинков — человек, университетски образованный, и к тому же писатель, ради чего он пролил море крови? Полный мрак...

Вот Первая конная армия (Исаак Бабель «Конармия»): «Я умылся с дороги и вышел на улицу. На столбах висели объявления о том, что военкомдив Виноградов прочтет вечером доклад о Втором конгрессе Коминтерна. Прямо перед моими окнами несколько казаков расстреливали за шпионаж старого еврея с серебряной бородой. Старик взвизгивал и вырывался. Тогда Кудря из пулеметной команды взял его голову и спрятал ее у себя под мышкой. Еврей затих и расставил ноги. Кудря правой рукой вытащил кинжал и осторожно зарезал старика, не забрызгавшись. Потом он стукнул в закрытую раму».

Сейчас все это вытащили к людям.

Кровавую вакханалию, культ жестокости воспевали Багрицкий и Бабель. За рубежом Р. Якобсон и В. Шкловский в модных ресторанах «тешатся байками» сотрудника ГПУ Осипа Брика о том, как пытают и расстреливают русских священников («Для нас тогда чекисты были — святые люди», — вспоминает Лиля Брик в 60-е годы).

А. Ваксберг (1998 г) пишет: «Осип любил рассказывать о кровавых пыточных ужасах, коим был свидетель. Иные слушали, другие